Бой Добрыни с Дунаем (3)

Ишше ездил Добрынюшка по всей земли,
Ишше ездил Добрынюшка по всей страны —
А искал собе Добрынюшка наезьника,
А искал собе Добрыня супротивника.
Он не мог же натти сибе наезницька,
Он не мог же натти собе сопротивницька.
Он поехал во далечо во чисто полё;
Он завидял где: во поли шатёр стоит.
А шатёр-де стоял рытого бархата,
На шатри-то-де подпись была подписана,
А подписано было со-й угрозою:
«А ишше хто к шатру приедёт — дак живому не быть,
А живому тому не быть, проць не уехати!»
А стояла в шатри боцька с зеленым вином;
А на боцьки-то — цяроцька серебрена,
А серебрена цяроцька позолочена,
А не мала, не велика — полтора ведра.
Да стоит в шатри кроваточка тисовая;
На кроватоцьки — перинушка пуховая.
А слезывал-де Добрынюшка со добра коня,
Наливал-де он чару зелена вина.
Он перву-ту выпил чару — для здоровьица,
Он втору-ту выпил — для весельица,
А он третью-ту выпил чару — для безумьиця:
Сомутились у Добрынюшки очи ясные,
Росходились у Добрынюшки могучи плеча.
Он розорвал шатёр дак рытого бархату,
Роскинал он-де по полю по чистому,
По тому же по роздольицу широкому.
Роспина́л-де он боцьку с зеленым вином,
Ростоптал же он цяроцьку сиребряну —
Оставил кроватоцьку только тесовую —
А и сам он на крова[то]цьку спать-де лёг.
Да и спит-то Добрынюшка ноньце суточки,
А и спит-де Добрыня двои сутоцьки,

Да и спит-де Добрынюшка трои сутоцьки.
Кабы едёт Дунай сын Иванович,
Он и сам говорыт дак таковы слова:
«Кажись, не было не буры и не падеры,
А всё моё шатрышко розвоёвано,
А роспинана боцька с зеленым вином,
И ростоптана цяроцька серебряна,
А серебрена цяроцька позолочена,
А оставлёна кроватоцька только тесовая —
На кро[ва]тоцьки спит удалой доброй молодець!»
Сомутились у Дунаюшка очи ясные,
Розгорело у Дуная да ретиво серцо,
Закипела во Дунаи кровь горючая,
Росходилисе его дак могуци плеча.
Он берёт же свою дак сабельку вострую,
Замахнулсэ на молоцца удалого...
А и сам же Дунаюшко що-то пророздумалсэ:
«А мне сонно́го-то убить наместо мертваго —
А не честь моя хвала будёт боґатырьская,
А не выслуга быдёт молодецкая!»
Закрычал-то Дунаюшко громким голосом.
Ото сну-де Добрынюшка пробуждаицсэ,
Со великого похмельиця просыпаицсэ.
А говорыт тут Дунаюшко сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, удаленькой доброй молодець!
Ты зацем же розорвал шатёр дак рыта бархата,
Роспинал ты мою боценьку с зелены[м] вином,
Ростоптал же ты цяроцьку мою серебряну,
А серебряну цяроцьку позолочену, —
Подаре́нья была короля ляховиньского?..»
Говорыт тут Добрынюшка Микитиць млад:
«Уж ты ой еси, Дунаюшко сын ты Ивановиць!
А вы зачем же пишите со-й угрозами,
Со-й угрозами пишите со великима?
Нам боецьсе угроз дак богатырьскиех —
Нам нецёго ездить во полё поляковать!»
Ишше тут молоццы они прираспорыли,
А скоцили молоццы они на добрых коней.
Как съежжаюцсэ удаленьки добры молоццы,

А они билисе ведь палоцьками буёвыма —
Руковятоцьки у палоцёк отвернулисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
Как съежжаюцсэ ребятушка по вто[ро]й-де раз.
Они секлисе сабельками вострыми —
У их вострые сабельки ишшербалисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
А съежжаюцьсе ребятушка по третьей раз,
А кололисе копьеми-де вострыма —
(Долгомерные ратовишша — по семь сажон!),
По насадоцькам копьиця свернулисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
А тянулисе тягами железными
Церез те же церез грывы лошадинные —
А железные тяги да изорвалисе:
Они тем боём друг дружку не ранили.
Соскоцили ребятушка со добрых коней
А схватилисе плотным боём, рукопашкою.
А ишше борюцце удаленьки добрые молоццы,
А и борюцце ребятушка они суточки,
А ишше борюцце ребятушка двои суточки,
А и борюцце ребятушка трои суточки —
По колен они в землю да утопталисе:
Некоторой один дру́га не пере́борёт.
Там ездил стары казак по чисту полю;
А и был с им Олёшенька Поповиць-от,
Да и был с им Потык Михайло Долгополовиць.
Говорыт тут стары казак Илья Муровець:
«Мать сыра-де земля дак потряхаиццэ:
Где-то борюццэ удалы есь добрые молоццы!»
Говорыт тут стары казак Илья Муромець:
«Нам Олёшеньку послать — дак тот силой лёгок,
А Михайла послать — дак непово́ротливой,
А во полах-де Михайло заплетецьсе же —
А и ехать будёт мне, самому старому:
Как два руських-де борицьсе — надо розговаривать,
А и руськой с неверным — дак надо помошшь дать,
А два же неруських — дак надо прочь ехать!»
А поехал стары казак Илья Муромець,

Он завидял-де на поли чистоем:
Ишше борюццэ удалы-те добры молоццы.
А подъежжаёт стары казак Илья Муромець.
Говорыт тут Дунаюшко сын Ивановиць:
«Во́но едёт стары казак Илья Муромець;
А стары-то казак мне-ка — приятель-друг:
А он пособит убить в поле неприятеля!..»
А говорыт-то Добрынюшка Микитиць млад:
«А евоно едёт стары казак Илья Муромець;
А стары-то казак мне — как крестовой брат:
А мне пособит убить в поли тотарина!»
А приежжает стары казак Илья Муромець,
Говорыт-то стары казак таковы слова:
«Уж вы ой еси, удаленьки добрые молоццы!
Вы об цём же бьитесь, да об цём вы борытесь?»
Говорит-то Дунаюшко сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромець!
Как стоял у мня шатёр в поли рытого бархату;
А стояла в шатри бочка с зеленым вином;
А на боцьки-то — цяроцька серебрена,
И серебрена цяроцька позолочена,
И не мала, не велика — полтора ведра, —
Подареньиця короля было ляховиньского.
Он розорвал шатёр мой рытого бархату,
А роскинал-де по полю по чистому,
По тому же по роздольицу широкому.
Роспинал он-де боцьку с зеленым вином,
Ростоптал он же чароцьку серебряну,
А серебреную чароцьку позолочену!»
А говорит-то стары казак Илья Муромець:
«Ты за ето, Добрынюшка, неправ будёшь!»
Говорит-то Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!
Как стоял у его шатёр в поле рытого бархата;
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписана подрезь была, подрезана,
И подрезано было со-й угрозою:
„Ишше хто к шатру приедёт — живому тому не быть,
Живому-де не быть, прочь не уехати!"

Нам боецьсэ-й угроз дак богатырскиех —
Нам нечого ездить делать во полё поляковать!»
А говорыт тут стары казак Илья Муромець:
«Ты за это, Дунаюшко, неправ будёшь —
А ты зацем же ведь пишошь со-й угрозами?
А мы поедём-ко теперице в красен Киев-град,
А мы поедём ко князю ко Владимеру,
А поедём мы тепере на великой суд».
Скоцили ребятушка на добрых коней,
И поехали ребята в красен Киев-град
А ко тому они ко князю ко Владимеру.
Приежжали ребятушка в красен Киев-град,
Заходили ко князю ко Владимеру.
Говорыл тут Дунаюшко сын Иванович:
«Уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
Как стоял у мня шатёр в поли рыта бархату;
Во шатри была боценька с зеленым вином;
А на боцьки и была цяроцька серебряна,
И серебряная цяроцька позолочена, —
Подаренья короля было ляховиньского.
Он розорвал шатёр мой рытого бархату,
Роспинал он-де боценьку с зеленым вином,
Ростоптал же он цяроцьку серебрянну,
А серебряну цяроцьку позолочену!»
Говорит тут Владимер стольне-киевской:
«И за ето, Добрынюшка, ты неправ будёшь!»
А говорыт тут Добрынюшка таковы слова:
«Уж ты солнышко Владимер стольне-киевской!
И стоял у его в поле черле́н шатёр,
А на шатри-то-де подпись была подписана,
И подписано-то было со-й угрозою:
„А ишше хто к шатру приедёт — дак живому не быть,
А живому тому не быть, проць не уехати!”
А нам бояццэ угроз дак богатырские —
Нам нецего ездить во полё поляковать!»
А говорыт тут Владимер таковы слова:
«И за ето, Дунаюшко, ты неправ будёшь, —
И зацем же ты пишошь со-й угрозами?..»
А посадили Дуная во темной подгреб же —

А за те жа за двери за железные,
А за те же замочики задвижные.

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тя́росова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.